

**Воспоминанія графа Константина Константиновича Бенкендорфа
о кавказской лѣтней экспедиціи 1845 года ¹⁾.**

(Souvenir intime d'une campagne au Caucase pendant l'été de 1845).

ѣ, кто, какъ я, знали близко русскаго солдата, навсегда сохранили къ солдату чувство глубокаго поклоненія, присоединивъ къ этому еще и чувство сильной и нѣжной привязанности.

Сколько разъ вспоминалъ я предсмертныя сожалѣнія одного расстававшагося съ жизнью русскаго офицера, умиравшаго отъ ранъ въ Парижѣ, который, по свидѣтельству присутствовавшаго при этомъ князя Григорія Волконскаго, обратился къ нему въ послѣднюю минуту со словами: „Не видать мнѣ болѣе русскаго солдата! Не слышать мнѣ болѣе солдатскихъ пѣсенъ!!“

Въ этихъ пѣсняхъ дѣйствительно есть что-то возвышающее и возбуждающее и есть какая-то своеобразная поэзія.

Изучите поближе эти кажущіяся столь инертными войска, и вы найдете въ нихъ великую душу, мощь Геркулеса и, одновременно, простое и нѣжное сердце и улыбку юноши.

Послѣ взятія Ахалцыха, гдѣ особое мужество проявилъ Ширванскій полкъ, понесшій здѣсь громадныя потери, князь Паскевичъ обратился къ нему съ вопросомъ: „много ли осталось еще въ рядахъ полка?“ „Еще хватить, Ваше Сіятельство, на два штурма“, отвѣтилъ ширванецъ-гренадеръ.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ ноябрь 1910 г.

Да! Подобные отвѣты находятся всегда на устахъ каждаго кавказскаго солдата. И этотъ отвѣтъ, кажущійся намъ блестящимъ, для кавказскаго солдата является простымъ и естественнымъ.

И вотъ, эти самые люди, эти богатыри, пламенные и отважные въ дѣлѣ, являются доступными каждому великодушному начинанію: по одному слову довѣрія или побужденію къ славѣ, или во имя двухъ нераздѣльныхъ въ нашихъ старыхъ полкахъ именъ—Бога и Царя, они способны проявить высшую степень великодушнаго самоотверженія; а сейчасъ же послѣ дѣла вы видите этихъ самыхъ солдатъ, принимающихъ свое естественное и невозмутимое спокойствіе, подчиняющихся малѣйшему вашему желанію, высматривающими и предугадывающими ваши желанія и исполняющими ихъ, съ толкомъ и быстротой, не имѣющими себѣ равныхъ въ Европѣ.

Одушевляйте или успокаивайте русскаго солдата, и вы всегда встрѣтите у него полную тому отзывчивость. Дитя и герой сочетаются въ русскомъ солдатѣ.

Онъ хладнокровенъ и непоколебимъ въ страшной игрѣ на жизнь и смерть, а послѣ боя онъ уже добродушно мастеритъ себѣ изъ трехъ дощечекъ водяную мельницу и по цѣлымъ часамъ слѣдитъ за ея работой, или, напримѣръ, на службѣ заставы сторожевой цѣпи, онъ или забавляется смѣшками, или дрожитъ отъ ужаса, слушая сказки ротнаго рассказчика.

Храбрыя и славныя войска, которыми никогда достаточно не нахвалишься!!

Мы слѣдовали довольно хорошей дорогой, только что было исправленной Шамилемъ для провоза своей артиллеріи. Оставивъ вправо горы съ крутыми скатами, мы спустились въ долину примѣрно 2-хъ верстъ длины, гдѣ находился родникъ, вода котораго была испорчена непріателемъ, завалившимъ ее трупами палыхъ лошадей.

При выходѣ изъ этой долины, гдѣ мы могли слѣдовать сосредоточенно, намъ выпало немало спусковъ и подъемовъ, пока мы достигли наконецъ возвышеннаго плато, которое, такъ сказать, нависло надъ главной долиной Гумбета, долиной глубокой, широкой, единственной обитаемой и возможной для жизни. Прямо противъ себя мы имѣли скалистый и острый гребень горъ, отдѣляющихъ Гумбетъ отъ долины Анди. Онъ отходитъ отъ главнаго хребта и подъ прямымъ угломъ направляется въ долину Андійскаго Койсу. Эту преграду можно перешагнуть только въ одномъ пунктѣ, извѣстномъ подъ именемъ „Андійскихъ воротъ“, представляющихъ

узкую тѣснину, глубиной шаговъ въ 800. У нашихъ ногъ лежало большое селеніе Тилитль, куда намъ предстояло спуститься.

Все то, что я теперь описываю, я видѣлъ только впоследствии, такъ какъ наступилъ большой туманъ, закутавшій насъ со всѣхъ сторонъ и оставившій полю нашего зрѣнія лишь только то, что высота, по которой мы слѣдовали, сразу обрывалась внизъ на страшную глубину. Справа высилась отвѣсная стѣна, слѣва — бездонная пропасть; одинъ невѣрный шагъ лошади стоилъ ей смерти; и здѣсь-то спустился весь отрядъ, на что понадобилось 24 часа времени!...

Немыслимо было рассчитывать въ эту кампанію на порядокъ слѣдованія вьючнаго обоза. Я уже имѣлъ на этотъ счетъ печальный опытъ, и такъ какъ у меня на рукахъ было много больныхъ, и всѣ мои люди нуждались въ отдыхѣ, то я, какъ только пришла моя очередь спуститься, самовольно задержалъ всѣхъ вьючныхъ лошадей моего баталіона; безъ этой посредствующей предосторожности и очевидно противно общему плану, я получилъ бы вьючный обозъ не ранѣе завтрашняго дня и, вѣроятно, вовсе лишился бы части его.

На войнѣ, зачастую, приходится, противно всему, заботиться о себѣ самому. Каждая вьючная лошадь имѣла при себѣ шесть человекъ конвойныхъ солдатъ: двое придерживали ее спереди и четверо сзади; все сошло прекрасно, и мы ночью имѣли пристанище.

Въ штабѣ отряда не озаботились порядкомъ расположенія войскъ, и я вечеромъ съ трудомъ добился указанія мѣста расположенія моего баталіона, послѣ чего пошелъ къ графу Воронцову. Блуждая этой темной ночью, я, случайно, имѣлъ счастье столкнуться съ его свѣтлостью принцемъ Гессенскимъ, который только-что собирался сѣсть за ужинъ. Я получилъ приглашеніе, и ничто не могло быть болѣе кстати; давно уже не вкушалъ хорошаго стола, и теперь я воздалъ ему должное.

На слѣдующій день войскамъ былъ данъ отдыхъ и, къ счастью, была хорошая погода; было даже жарко. Войска пользовались отдыхомъ и погодой; снявъ одежду, просушивали ее и, наконецъ, получили въ этотъ день горячую мясную пищу.

Первый разъ въ теченіе десяти сутокъ я могъ спокойно провести этотъ день на отдыхѣ и въ пріятномъ мнѣ обществѣ лицъ главной квартиры и даже развеселиться подъ покровительствомъ *Минквица* и *Щербинина* ¹⁾. Но однако не надолго пришлось мнѣ насладиться этими удовольствіями.

¹⁾ Щербининъ состоялъ долго при графѣ Воронцовѣ и составилъ его біографію, представляющую впрочемъ чистый панегирикъ. Дочь Щербинина,

Въ виду принятаго рѣшенія для обезпеченія сообщеній между главными силами и укрѣпленнымъ этапомъ *Кирки* имѣть (на этапахъ) два отдѣльныхъ отряда (какъ гарнизоны этаповъ), для этой послѣдней службы были предназначены части, наиболѣе пострадавшія въ походѣ, а слѣдовательно и прибывшія съ „холодной“ горы. Командуемый мною баталіонъ Куринцевъ вошелъ въ составъ наиболѣе важнаго въ стратегическомъ отношеніи Мичикальскаго отряда, ввѣреннаго полковнику *Ковалевскому*.

Съ большимъ сожалѣніемъ позналъ я необходимость обратнаго возвращенія баталіона, но что можно было возразить противъ этого распоряженія, тѣмъ болѣе, что изъ состава моего баталіона 30 человѣкъ имѣли отмороженныя ноги, изъ коихъ у 15-ти уже начинала обнаруживаться гангрена, и, наконецъ, болѣе сотни пострадавшихъ чиновъ баталіона представляли изъ себя не болѣе какъ инвалидовъ.

Всѣ умы къ этому времени были заняты Андією, и 14-го іюня было рѣшено форсировать единственный переваль въ эту долину, такъ называемыя Андійскія ворота. Полковникъ князь Барятинскій съ командуемымъ имъ 3-мъ баталіономъ кабардинцевъ добился назначенія слѣдовать въ головѣ колонны, назначенной для штурма Андійскихъ воротъ.

Надѣялись, что со взятіемъ этихъ воротъ Андійцы придутъ съ покорностью, и что ихъ примѣру послѣдуютъ сосѣднія племена.

Главнокомандующій предполагалъ завоеваніе это довершить еще и всѣми средствами того обольщенія, которымъ онъ владѣлъ въ такой высокой степени—тѣмъ неотразимымъ очарованіемъ, помощью котораго онъ обыкновенно завоевывалъ себѣ довѣріе и уваженіе мусульманскихъ народовъ. Но всѣ эти расчеты ни въ чемъ не оправдались, начиная съ того, что Шамиль не взялъ на себя труда обороны возведенныхъ имъ здѣсь укрѣпленій и уступилъ намъ безъ боя Андію, но уже обращенную въ пустыню и разоренную, а подобное печальное завоеваніе не имѣло уже для насъ значенія. Что касается до Шамиля, то это проявленіе рѣшительности и власти имѣло для него значеніе огромнаго успѣха. Все притихло. Сопротивлявшіеся Шамилю были поражены ужасомъ, и народности Дагестана только еще ниже склонили свои головы передъ каравшимъ

извѣстная красавица, Марья Михайловна, была замужемъ за М. Е. Чиляевымъ, грузиномъ, человѣкомъ весьма образованнымъ и хорошимъ администраторомъ, лицомъ очень извѣстнымъ на Кавказѣ. Б. К.

ихъ мечомъ новаго владыки горъ и передъ огнемъ, уничтожавшимъ ихъ жилища.

Андія отъ насъ ускользала: эта истина, столь очевидная теперь, когда мы обнимаемъ вопросъ въ общемъ, и вытекавшая изъ совокупности всѣхъ обстоятельствъ, тогда еще не была столь осязательной и не поразила тогда всѣ умы ¹⁾).

Туземцы, служившіе въ отрядѣ ²⁾, и двое русскихъ ³⁾, продолжительнымъ опытомъ изучившіе войну на Кавказѣ и горцевъ, только одни понимали все значеніе этого событія, да, одновременно, еще небольшая часть чиновъ главной квартиры усматривали въ этомъ событіи печальное предзнаменованіе ⁴⁾. Большинство же ничего въ этомъ не видѣло или не желало видѣть.

Что касается до нижнихъ чиновъ, то беззаботные солдатики желали только подраться, да позабавиться, и такъ какъ до сихъ поръ не было ни кровавыхъ, ни трудныхъ дѣлъ, то всѣ они жаждали только боя. Докучали насъ только лишенія, тѣмъ болѣе, что стало извѣстнымъ, что Андія лишена всѣхъ средствъ довольствія.

Нѣкоторые даже завидовали моему выступленію: „тамъ“, говорили они, „вы ни въ чемъ не будете нуждаться, тамъ найдете вы все, что нужно для жизни и для благополучія“. А извѣстно ли вамъ (читатель), что подразумѣвается на Кавказѣ подъ выраженіемъ: „рѣшительно все, нужное для жизни?“ Хорошая вода, пастбище и дрова—вотъ и все, что нужно для жизни.

Таковы были тѣ прелести, которыя меня ожидали, и предстоящее пользованіе которыми мною вызывало столько зависти. Для насъ, лишенныхъ всего этого столь продолжительное время, въ сущности, это было дѣйствительно хорошо.

¹⁾ Что только еще разъ доказываетъ, какъ невѣрны и эфемерны были расчеты и соображенія Петербурга, которые долго раздѣляли Воронцовъ, противно мнѣнію кавказскихъ генераловъ, о чемъ самъ Воронцовъ писалъ военному министру графу Чернышеву отъ 25-го мая изъ Ташъ-кичу: „Если бы даже приказаніе наступать было противно моему мнѣнію, какъ несогласны съ нимъ всѣ здѣшніе генералы, то я все же исполнилъ бы его съ тѣмъ же рвеніемъ, но признаюсь откровенно, что я тоже стою за наступленіе“.

Б. К.

²⁾ Во главѣ которыхъ слѣдуетъ поставить князей: Василія Осиповича *Бebutova*, Григорія *Эристова* и Левана *Меликова*, Илью Орбеліани и Александра *Эристова*.

Б. К.

³⁾ Вѣроятно, Лабунцевъ и Ковалевскій.

Б. К.

⁴⁾ Преимущественно, конечно, кавказскихъ офицеровъ, т. е. уже послужившихъ на Кавказѣ.

14-го утромъ главный отрядъ занялъ Андійскія ворота, перешагнулъ ихъ и занялъ противоположащую долину. Авангардъ безъ выстрѣла занялъ главное селеніе, въ данное время разрушенное и поспѣшно очищенное противникомъ.

Шамиль присутствовалъ лично при занятіи нами селенія, и его полчища занимали высоты, противоположныя только-что пройденнымъ нашими войсками. Вслѣдъ за этимъ прошло одно изъ самыхъ блестящихъ дѣлъ этого похода ¹⁾.

Полковникъ князь Барятинскій ²⁾ съ двумя первыми ротами командуемаго имъ баталіона, шедшими въ головѣ авангарда, безостановочно преслѣдуя противника, съ невѣроятной отвагой атаковалъ эти самыя высоты, хорошо охраняемыя и стойко обороняемыя. Постепенно атакуя террасу за террасой, онъ взобрался съ своими кабардинцами-егерями, наконецъ, на высоту подъ непрерывнымъ ружейнымъ и пушечнымъ огнемъ. Противникъ нѣсколько разъ пытался остановить это наступленіе, но не выдержалъ этого смѣлаго удара; Барятинскій, опрокидывая всѣ препятствія, продолжалъ свое движеніе, отовсюду выбивая лезгинъ и вынуждая ихъ къ отступленію.

Усиленный Грузинской милиціею ³⁾, князь Барятинскій штурмовалъ вершину высоты, съ которой горцы едва только успѣли свезти свои орудія.

Вся главная квартира приняла участіе въ концѣ этого славнаго боя.

Принцъ Александръ Гессенскій, рыцарскому мужеству котораго пришлось впоследствии подвергнуться еще болѣе сильному испытанію, принялъ здѣсь впервые участіе въ бою при живомъ одобреніи цѣлаго отряда, раздѣлить участіе въ работѣ котораго онъ пріѣхалъ изъ столь далека, и который за его манеру держать себя среди насъ платилъ ему почетомъ, уваженіемъ и благодарностью.

Графъ Воронцовъ прискакалъ въ карьеръ къ этой горсти удалцевъ, которыхъ привела къ этимъ отличіямъ блестящая храбрость ихъ командира ⁴⁾.

¹⁾ Блестящихъ съ вѣшной стороны, гдѣ преднамѣренно былъ данъ случай отличиться флигель-адъютанту князю Барятинскому, но потери не оправдывали результатовъ.

²⁾ Будущій фельдмаршалъ.

³⁾ Барятинскій, щеголяя своей личной храбростью и въ своей жадѣ отличій, что называется, зарвался, не дожидаясь присоединенія остальныхъ частей авангарда, и бесполезно подвергъ свои двѣ роты героевъ чувствительнымъ потерямъ; грузины понесли здѣсь также достаточныя потери.

⁴⁾ Не отрицая всего значенія личной храбрости князя Барятинскаго, тѣмъ не менѣе, это наступленіе 2-хъ ротъ кабардинцевъ, не выжидая остальныхъ войскъ, было неблагоразумно и повело къ напраснымъ и тяжелымъ потерямъ въ рядахъ этихъ безцѣнныхъ ротъ славнаго полка.

Проѣзжая черезъ селеніе, графъ навѣстилъ раненыхъ.

Кабардинцы, все еще находясь въ боевомъ возбужденіи, не переставали кричать: „А вѣдь мы стоимъ Куринцевъ!“¹⁾

Одинъ бѣдняга, съ разбитой ногой, на вопросъ графа Воронцова— какъ онъ себя чувствуетъ, отвѣчалъ: „Я-то что,—пустяки, а меня беспокоитъ рана полковника князя Барятинскаго“.

Таково у нашихъ солдатъ упоеніе побѣдой; таковъ избытокъ любви его къ начальнику, который его понимаетъ и умѣетъ его вести; весело забываетъ онъ и свои страданія, и свои лишенія.

Разъ я заговорилъ о солдатѣ, я считаю долгомъ выразить ему всю мою благодарность и привести здѣсь глубоко и навсегда запечатлѣвшуюся въ моемъ сердцѣ черту его великодушія.

Это было 19-го іюля²⁾. Насъ было четверо раненыхъ штабъ-офицеровъ и насъ несли на носилкахъ во главѣ подобнаго же многочисленнаго и скорбнаго транспорта³⁾. Двигаясь въ густомъ лѣсу и прибывъ къ повороту дороги, мы были встрѣчены залпомъ справа, съ высотъ, не занятыхъ нашей правой цѣпью; мгновенно все шествіе остановилось. Первый изъ насъ полковникъ *Бибиковъ* (командиръ Навагинскаго полка) получилъ пулю въ грудь, отъ которой вскорѣ скончался. Меня несли егеря моего баталіона; представленный ко мнѣ унтеръ-офицеръ, ни слова мнѣ не сказавъ, лишь слегка кивнулъ людямъ головой въ сторону меня и непріятели, что отъ меня не ускользнуло. Сейчасъ же одинъ карабинеръ съ Георгіемъ на груди (какъ сейчасъ вижу его воинственную фигуру) гордо выпрямился, расправилъ свою грудь и мужественно сталъ между мной и угрожавшей мнѣ опасностью и съ видомъ человѣка, бросающаго вызовъ.

Я находился въ состояніи полной слабости и полной неспособности что-либо видѣть и чувствовать, но я думаю, что я былъ тронутъ до слезъ.

Въ эту минуту я уже не былъ внушавшимъ страхъ и уваженіе начальникомъ, и мой голосъ, какъ это принято на Кавказѣ, уже не служилъ для солдатъ сигналомъ; я представлялъ изъ себя ни болѣе,

¹⁾ Здѣсь кабардинцы соревновали съ своими кунаками куринцами, отличавшимися, какъ это уже было здѣсь рассказано, при штурмѣ горы Анчмееръ подъ общимъ начальствомъ генерала Пассека. Полки эти считались лучшими во всей Кавказской арміи и не имѣли себѣ равныхъ.

²⁾ Значительно позднѣе описываемаго и уже по отступленіи отряда черезъ Чечню къ Герзель-аулу.

³⁾ Кромѣ Бенкендорфа, еще полковникъ *Бибиковъ* (здѣсь убитый), полковникъ *Завальевскій* и графъ *Стенбокъ-Ферморъ*.

ни менѣ, какъ жалкаго калѣку. Глубоко тронули меня эти лично ко мнѣ относившіяся заботы этихъ молодцовъ.

Что можетъ быть краснорѣчивѣе и болѣе говорить сердцу, какъ это простое, искренное и нѣмое самоотверженіе солдата, выставляющаго за васъ свою жизнь, не высказывая и сомнѣній, что это жертва, которую онъ вамъ приноситъ...

Возвращаюсь къ прерванному разсказу. Въ то время, когда всѣ эти событія происходили въ Андїи, откуда до насъ доходила дальняя канонада, наша колонна больныхъ и раненыхъ приняла противоположное направленіе и съ усиліемъ подымалась по той самой дорогѣ, по которой мы нѣсколько дней тому назадъ спускались.

Поднявшись на вершину плато, мы снова очутились въ облакахъ. Нашъ печальный транспортъ подвигался съ трудомъ. Несчастные больные безпрестанно соскальзывали съ вьюковъ, чѣмъ и задерживали движеніе.

Я открывалъ все шествіе, и мнѣ стоило много труда не сбиться съ дороги, до того былъ густъ туманъ, и чтобы ориентироваться, я поминутно высылалъ людей, вправо и влѣво. Лучшими указателями пути были трупы павшихъ лошадей, попадавшихъ на каждомъ шагу и свидѣтельствовавшихъ о нашемъ здѣсь первомъ прохожденіи. Иногда попадались и тѣла нашихъ убитыхъ и умершихъ, вытасненныхъ непріателемъ изъ могилъ и подло имъ поруганныхъ; я приказывалъ тогда предать ихъ вновь землѣ.

Ничто не можетъ быть ужаснѣе смерти, передъ лицомъ которой всѣ утѣшенія мало говорятъ сердцу и разуму. Особенно сильно поддаются тяжелому впечатлѣнію молодые солдаты: и вотъ вчерашняго товарища по палаткѣ, вчера еще друга, онъ находитъ здѣсь, звѣрски поруганнымъ и брошеннымъ на съѣденіе коршунамъ и шакаламъ, что онъ невольно пріурочиваетъ и къ себѣ.

Вообще, ничего нѣтъ ужаснѣе происходящаго въ тылу арміи, чего и не подозреваешь, пока идешь впередъ.

День кончился. Полковникъ Ковалевскій приказалъ мнѣ выбрать на ночь позицію. Ничего не было видно; тутъ, къ счастью, пригодилась моя способность запоминать мѣстность. Я скорѣе угадалъ, чѣмъ увидѣлъ отдѣльное плато, на которомъ мы ночевали 11-го; здѣсь мы разбили палатки.

На другой день погода улучшилась; было чудесно, даже жарко. Мы перешли цѣпь горъ, раздѣляющую насъ отъ Мичи-Кале, и спустились въ долину Акташа, длиной около 8-ми верстъ, до того мѣста, гдѣ дорога послѣдній разъ пересѣкаетъ эту рѣчку; тамъ-то и было указано намъ расположиться. Берега рѣки были очень круты

и переходить ее съ нашими больными было и очень трудно, и очень опасно. Непрiятель показался справа, но не очень насъ беспокоилъ, насѣвъ лишь на нашъ арріергардъ.

Совершивъ переходъ, нашъ полковникъ расположилъ нашъ лагерь на двухъ высотахъ, соединенныхъ между собой сѣдловиной и достаточно внѣ сферы непріятельскаго огня съ сосѣднихъ горъ.

Мы расположились со всѣми удобствами, какъ люди, устраивающіеся на новой квартирѣ, что было первый разъ со времени веденiя нами цыганскаго образа жизни. Мы нашли хорошую питьевую воду и въ изобиліи дрова, но для лошадей и для 40 штукъ рогатаго скота, назначеннаго въ пищу солдатамъ, у насъ были очень плохія пастбища, да еще удаленныя отъ лагерьа.

Все пространство кругомъ насъ было черно, такъ какъ войска, подобно саранчѣ, все пожирають на своемъ пути, оставляя за собой пустыню.

Чтобы передать въ центральный Киркинскій госпиталь всѣхъ тѣхъ многихъ, порученныхъ намъ, больныхъ, Ковалевскій долженъ былъ войти въ сношенiя съ генераль-маіоромъ *Кудашевымъ*, командовавшимъ этапомъ-лагеремъ въ Киркѣ.

Я принялъ участіе въ этой операціи, совершенной нами 16 іюня.

Ковалевскій—достоинный офицеръ:—очень храбрый, очень энергичный, большая умница и обладаетъ опытомъ кавказской войны. Онъ много изучалъ Кавказъ, служилъ на Кавказѣ около 15-ти лѣтъ, съ отличіемъ въ качествѣ офицера генеральнаго штаба, но испыталъ судьбу многихъ своихъ товарищей, въ особенности—служившихъ колоновожатыми и руководителями нашихъ отрядовъ въ Дагестанѣ; одиночество слишкомъ возвеличивало ихъ въ ихъ собственномъ мнѣніи, и они кончали вѣрой въ непогрѣшимость своихъ мнѣній, никогда и никѣмъ не оспариваемыхъ и не контролируемыхъ, ибо въ большинствѣ случаевъ они окружены людьми съ меньшими познаніями.

Ковалевскій былъ именно такимъ человѣкомъ, типичнымъ представителемъ такого рода характеровъ; онъ сомнѣвался во всѣхъ, въ себѣ—никогда.

Онъ былъ одержимъ той чисто кавказской болѣзнию, которая выражается въ порицаніи и осужденіи всякаго начальника, какимъ бы онъ ни былъ, единственно только потому, что онъ—начальникъ¹⁾. Про

---

¹⁾ Умница, знающій вообще, и Кавказъ въ частности, Ковалевскій вѣроятно не стѣснялся осуждать передъ Бенкендорфомъ всю эту нелѣпую экспедицію 1845 года вообще и отдѣльные ея эпизоды, и доставалось вѣро-

Ковалевскаго часто говорили, что съ нимъ нельзя столковаться. Я нахожу это несправедливымъ, и я самъ—лучшее тому доказательство: подъ его начальствомъ можно прекрасно служить и, послѣ долгихъ съ нимъ 12-ти дней, мы разстались друзьями. Но долженъ сознаться, что, какъ начальникъ, онъ таки довольно крутъ; я лично не боялся его обидѣть моими осужденіями, ибо такое обращеніе ему по душѣ, и если эти строки попадутся когда-либо ему на глаза, то онъ, смѣясь, согласится съ этимъ и, помахивая по обыкновенію трубкой, скажетъ: „а вѣдь Бенкендорфъ правъ!“ Онъ былъ изъ числа тѣхъ, которыхъ Кавказъ оторвалъ отъ семейной жизни, и которые будутъ доживать свой вѣкъ, пока лихорадка или вражеская пуля не положитъ конецъ ихъ карьерѣ, такъ какъ на Кавказѣ никто не умираетъ своею смертию. Если, несмотря на его недостатки, пользоваться имъ умѣло, то онъ могъ бы оказать намъ большія услуги, и потому я надѣюсь долго еще видѣть его орудующимъ въ Дагестанѣ съ неизмѣнными—компасомъ въ одномъ карманѣ и пѣснями Беранже, въ качествѣ молитвенника, въ другомъ¹⁾.

Страна, подобная Кавказу, гдѣ мѣсто, занимаемое человекомъ—ничто, а самъ человекъ—все, страна, въ которой, если для успѣха движенія не хватаетъ общаго импульса, то на помощь является добровольное и просвѣщенное содѣйствіе цѣлой плеяды личностей, управленіе которыхъ (веденіе которыми дѣла) не поддается никакой заранѣе данной имъ инструкціи; такая страна, повторяю я, облагораживаетъ человека, отдавагося ей душой и тѣломъ, принимая конечно во вниманіе занимаемое имъ положеніе и соотвѣтственно оказываемое ему довѣріе²⁾. Разъ онъ на этомъ пути, то онъ можетъ

ятно и графу Воронцову, и Лидерсу, и Гурко, и всему многочисленному штабу и свитѣ Воронцова, и всѣ эти осужденія, вдобавокъ, сыпались въ рѣзкой формѣ, что не могло особенно нравиться сдержанному и воспитанному Бенкендорфу. Б. К.

¹⁾ Превосходная, полная правды и жизни, мѣткая характеристика этого также выдающагося дѣятеля кавказской войны, павшаго въ 1854 году смертью храбрыхъ при штурмѣ Карса. Б. К.

²⁾ Превосходная, вѣрная и весьма интересная характеристика условій военно-административной службы лучшихъ русскихъ людей на Кавказѣ, условій естественныхъ, вытекающихъ, такъ сказать, изъ природы вещей. Въ самомъ дѣлѣ, обстановка военно-административной и чисто-военной службы на Кавказѣ въ тѣ времена была такова, что только самостоятельное и независимое отношеніе къ дѣлу, полное находчивости и рѣшительности, обеспечивало успѣхъ этого живого дѣла войны и умиротворенія кавказскихъ народностей. Здѣсь-то и вырабатывалась та безцѣнная нрав-

иногда зарываться, и самолюбіе его можетъ быть безгранично. Но стоитъ ли ради этого останавливать его въ его благородной и полезной дѣятельности?!

Зачѣмъ лишать себя этого неоцѣненнаго сокровища—„Кавказа“, который суть никто другой, какъ тотъ же русскій, передѣланный Кавказомъ! ¹⁾ Во имя общаго блага и принимая во вниманіе его достоинства, будемъ сносить его гордость и независимость его характера; вѣдь безъ него на Кавказѣ ничего не будетъ сдѣлано такого, что бы стоило Кавказа!!

Правда, кавказцевъ много упрекаютъ въ томъ, что они составляютъ какъ бы особую партію или союзъ; да, это союзъ, но союзъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова, союзъ уважаемый и благотворный, такъ какъ основаніемъ его является глубокое знаніе края и любовь къ нему всего того же края ²⁾.

Изъ 6-ти ротъ, сопровождавшихъ нашъ транспортъ, одна рота Куринскаго и одна Апшеронскаго полковъ были оставлены въ Мичикале для обезпеченія лагеря. По возвращеніи нашемъ 17-го, мы застали здѣсь все въ возбужденіи, хотя непріятель и не показывался, а все смятеніе было вызвано коровой, Богъ знаетъ откуда явившейся. Началось съ того, что солдаты обоихъ полковъ открыли по ней охоту, потомъ стали спорить о дѣлежѣ.

Тотъ, кто никогда не ѣдалъ „баранты“ ³⁾, не пойметъ всего того счастья, которое испытываешь, когда закладываешь за обѣ щеки чужое добро, и не пойметъ также, до чего это мясо вкусно и насколько оно питательно и вообще—лучше продаваемаго мясникомъ и только потому, что за него ничего не заплачено. На Кавказѣ разбойничество—что называется—носится въ воздухѣ, имъ упиваются, и существуетъ особая любовь жить воровствомъ. Можетъ ли быть иначе и для солдата, когда только единственно одна баранта и вносить разнообразіе въ монотонную выдачу однихъ только гнилыхъ сухарей отъ интендантскаго чиновника! Тамъ, гдѣ война есть

ственная самостоятельность отдѣльныхъ лицъ и массы, въ которой и заключается ключъ къ успѣху во всякаго рода практическихъ дѣлахъ, а тѣмъ болѣе въ такомъ практическомъ и живомъ дѣлѣ, какъ война, да еще и народная.

Б. Колубакинъ.

¹⁾ А сколько было на Кавказѣ такихъ дѣятелей, выросшихъ въ атмосферѣ нравственной самостоятельности въ живомъ дѣлѣ вѣчной войны, требующемъ независимость, сметку и рѣшительность?!. *Б. К.*

²⁾ Союзъ этотъ былъ обширный и составилъ кадры той арміи, которая покорила Кавказъ и которая такъ рѣзко отличалась отъ войскъ Имперіи.

Б. К.

³⁾ Скотъ, отбитый у непріятеля,—рогатый и овцы.

обыденное и непрерывное занятіе, въ войскахъ очень легко возникаютъ драки, и то же самое происходитъ и между кавказскими полками, настолько же чуждыми одинъ другому, настолько же склонными къ зависти и даже къ ненависти другъ къ другу, насколько подобное отношеніе естественно между жителями сосѣднихъ долинъ. Съ одной стороны пускаются въ ходъ штыки, съ другой—приклады, и въ обѣихъ частяхъ, какъ это обыкновенно водится, офицеры стоятъ за своихъ людей.

Служба на Кавказѣ обособляетъ жизнь частей, она ограничивается узкой сферой интересовъ, и всѣ тѣ общія связи, которыя связываютъ полкъ съ общимъ отечествомъ, порываются до такой степени, что люди почти забываютъ, что они служатъ одному общему дѣлу.

Такъ и здѣсь, въ Мичи-Кале, не появился во-время Ковалевскій, быть бы междоусобной дракѣ. Очевидно былъ виноватъ мой *Эссенъ*, командиръ Куринской роты, который, какъ младшій въ чинѣ, долженъ былъ слушаться *Евдокимова* ¹⁾, командира Апшеронской роты. Но могъ ли Куринецъ подчиниться Апшеронцу, не краснѣя, не унижаясь, не признавая себя виновнымъ?! Могъ ли *Эссенъ* подчиниться, онъ, который всецѣло принадлежитъ полку—своей единственной родинѣ, онъ, который считаетъ за честь раздѣлять всѣ полковыя симпатіи и антипатіи?! Между тѣмъ, между Куринцами и Апшеронцами издавна существовала вражда.

Одни изъ нихъ получаютъ большее, другіе меньшее содержаніе, одни—дерутся все время съ лезгинами, другіе—съ чеченцами, одни—все время ведутъ войну въ горахъ, другіе—въ лѣсахъ, одни, наконецъ, носятъ красный околышъ и бѣлую портупею, другіе—темнозеленый околышъ и черную портупею; какъ же имъ при такихъ условіяхъ не ненавидѣть другъ друга?!

Однажды, въ одномъ селеніи, въ базарный день, возникла ссора между Чеченцами и Апшеронцами; Куринцы непреминули принять въ ней серьезное участіе. Но кому пришли они на помощь? Конечно,—не Апшеронцамъ!

„Какъ намъ не защищать Чеченцевъ“, говорили Куринскіе солдаты, „они наши братья, вотъ ужъ 20 лѣтъ, какъ мы съ ними деремся“!...

На Кавказѣ полкъ никогда не мѣняетъ мѣста своей стоянки; основаніемъ своей постоянной штабъ-квартиры онъ упрочиваетъ покореніе и безопасность края и бросаетъ эти постоянныя штабъ-

¹⁾ Родной братъ извѣстнаго впоследствии Николая Ивановича.

квартиры только для новыхъ завоеваній, которыя опять-таки только такимъ способомъ онъ и можетъ упрочить.

Каждый изъ нашихъ полковъ представляетъ такимъ образомъ какъ бы воинственное племя, пустившее корни въ занимаемой имъ мѣстности; каждый полкъ въ извѣстной степени ассимилируется съ мѣстностью, моральное вліяніе которой даетъ характеру солдатъ извѣстную окраску, измѣняя даже его языкъ.

Полкъ служить не исключительно только цѣлямъ чисто военнымъ, т. е. оборонѣ и покоренію края, нѣтъ, онъ вноситъ въ страну возрожденіе, свѣтъ, прогрессъ и обрусѣніе.

Если мѣсто штабъ-квартиры выбрано удачно, то городокъ этой русской колоніи составляетъ центръ всего края, который до сихъ поръ не имѣлъ такового.

Каждый полкъ составляетъ конгломератъ (учрежденій), строятъ церкви, содержитъ госпиталю, магазины, школы, притягиваетъ къ себѣ купцовъ, поставщиковъ, открываетъ цѣлую сѣть разнаго рода производствъ, открываетъ новые пути сообщеній, разрабатываетъ лѣса и пустыни и для достиженія всѣхъ этихъ прекрасныхъ результатовъ онъ ищетъ въ самомъ себѣ средства и способы существованія, ибо онъ очень скоро погибъ бы, если бы не былъ обязанъ самому себѣ, что впрочемъ не такъ уже и трудно, благодаря смелости и способности нашихъ солдатъ.

Каждый разъ, когда устраивается новый полкъ, то это событіе, для жившихъ доселѣ уединенно и безъ связи съ внѣшнимъ міромъ, является по истинѣ пріятной неожиданностью, — интересной новостью.

Изъ всего сказаннаго видны все то значеніе и вся та польза для туземнаго и русскаго элементовъ, которыя проистекаютъ изъ единства управленія, т. е. — единства гражданскаго и военнаго управленій, установленныхъ на Кавказѣ.

Наши полки въ Закавказьѣ много утратили этого цивилизаторскаго элемента введеніемъ тамъ новаго порядка вещей, но на Кавказской линіи и въ Дагестанѣ ничто не измѣнилось въ этомъ отношеніи, и оно таково, каковымъ его требовалъ Ермоловъ, первый изъ нашихъ генераловъ, оцѣнившій это вліяніе въ должной степени. Отсюда видна та роль, которую обстоятельства налагаютъ на того, кто назначенъ командовать полкомъ, и та осторожность, какую надо проявлять при назначеніяхъ, въ чемъ нужно тѣмъ болѣе мудрости, что на Кавказѣ командиръ полка въ сферѣ своей дѣятельности не подлежитъ контролю.

Случается, что безупречный на инспекторскомъ смотрѣ командиръ совершенно не годенъ ни для края, ни для полка, другой же

командиръ, у котораго на смотре нашлись непорядки, — превосходенъ.

Послѣ многихъ заблужденій, наши военныя власти рѣшились наконецъ не провѣрять управленія полковыхъ командировъ, сознавая, что нужно только умѣть выбирать людей, но въ этомъ-то и заключается вся трудность: большинство баталіонныхъ командировъ (боевыхъ), составившихъ себѣ имя на Кавказѣ, рѣдко бываютъ на высотѣ такого отвѣтственнаго командованія; туземцы, столь многочисленныя въ нашихъ войскахъ, еще менѣе тому пригодны; но самое худшее назначеніе—это офицеровъ безъ всякаго прошлаго и прямо изъ образцоваго полка. *Командиры изъ образцоваго полка понимаютъ службу только въ одномъ видѣ, съ формальной стороны, да и то толкуютъ ее вкривь и вкось; для войскъ эти господа—сущее бѣдствіе, язва* ¹⁾.

Для хорошаго командира полка на Кавказѣ требуется человекъ просвѣщенный, съ взглядами широкими, благородный и доброжелательный, преданный краю и дѣлу, которому онъ призванъ.

Лучшіе полковые командиры, которыхъ мы имѣемъ, почти все офицеры Генеральнаго Штаба.

Возвращаюсь къ Эссену: онъ былъ немедленно посаженъ подъ арестъ. *Ковалевскій* хотѣлъ было выслать его изъ отряда и предать его полевому суду, чего онъ конечно заслуживалъ, но я заступился за него. *Въ нашихъ кавказскихъ войскахъ почти никогда не проявляютъ строгости.*

По существу Эссенъ былъ хорошій офицеръ, а ротнаго командира нелегко замѣнить въ кампаніи, а затѣмъ слѣдуетъ принять въ соображеніе, что эта страна дикарей не можетъ не вліять на общую дикость нравовъ.

Я вернулъ Эссену шашку только наканунѣ выступленія изъ Мичикале. Стараясь не подчиняться авторитету его сѣдины, я ему долго говорилъ о неприличіи его поступка; онъ поклялся мнѣ, что

¹⁾ Какъ хорошо подчеркнул честный и боевой Бенкендорфъ это бѣдствіе отъ „образцовыхъ командировъ“, что еще болѣе справедливо для Имперіи, гдѣ въ это т. наз. „Николаевское время“ только „образцовые“ и шли впередъ. На этихъ-то изъ „образцовыхъ“—бригадныхъ, дивизионныхъ и корпусныхъ и возлагали мы надежды въ восточную войну 1853—1856 гг., и кампанія и вышла „образцовой“. Только Кавказская армія двигала людей другого сорта, и одна только она и порадовала Россію въ эту войну. Прошло 70 лѣтъ, а образцовые остались, принявъ только какъ бы болѣе полевой видъ, но и полевой-то видъ болѣе съ формальной стороны. *Б. К.*

сѣмѣетъ себя побороть, что ничего подобнаго не повторится въ будущемъ, и что онъ сдѣлаетъ все, чтобы мнѣ угодить. Никогда я не былъ такъ доволенъ собою,—такъ я былъ краснорѣчивъ и убѣдительно. Въ самомъ дѣлѣ я могъ себя поздравить, такъ какъ, уходя, Эссенъ объявилъ мнѣ самымъ скромнымъ образомъ: „во всемъ буду повиноваться, но объ одномъ только прошу, если попадетъ Апшеронецъ ночью, наединѣ, такъ, чтобы никто не видалъ, то позвольте его задушить“¹⁾.

Сообщилъ Б. М. Колюбакинъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ О томъ же Эссенъ князь Дондуковъ-Корсаковъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ: „Въ 1847 году, въ чинѣ капитана, по старости лѣтъ Эссенъ былъ назначенъ воинскимъ начальникомъ въ укрѣпленіе *Умаханъ-юртъ* на правомъ берегу Суяжи; на лѣвомъ берегу находился большой мирный чеченскій аулъ *Брагуны*. По распоряженію начальника лѣваго крыла Кавказской арміи, въ то время извѣстнаго генерала Фрейтага, предписано было Эссену распорядиться о скорѣйшей перевозкѣ казеннаго провіанта въ склады Умаханъ-юрта.

Перевозку эту взяли на себя мирные брагунцы и на паромѣ переправляли въ укрѣпленіе черезъ Суяжу провіантъ Эссена, куря трубку, сидѣлъ на батарее, командующей переправой, и все ругался за медленность доставки и, наконецъ, раздосадованный на паромщиковъ и чеченцевъ, приказалъ зарядить орудіе картечью и выстрѣлить на паромъ въ толпу брагунцевъ. Нѣсколько человекъ было ранено, трое убито, но зато провіантъ былъ переправленъ съ неизвѣстной скоростью. Эссенъ доносилъ Фрейтагу о происшествіи въ слѣдующихъ словахъ: „переправа и доставка провіанта производилась крайне медленно, но благодаря благоразумнымъ мѣрамъ кротости, я побудилъ брагунцевъ скорѣе исполнить распоряженіе Вашего Превосходительства, и весь провіантъ доставленъ въ укрѣпленіе въ цѣлости“.

Никто бы не думалъ жаловаться, если бы Эссенъ не приказалъ взять въ укрѣпленіе тѣла убитыхъ и запретилъ ихъ выдавать родственникамъ. Робертъ Карловичъ Фрейтагъ похвалилъ Эссена за распорядительность, ничего не подозревая, какъ вдругъ явилась депутація старшинъ брагунцевъ въ Грозную съ просьбой разрѣшить выдачу тѣлъ родственникамъ. Тутъ все открылось. Эссенъ былъ смѣненъ и потомъ подалъ въ отставку. Разсказъ слышалъ я отъ самого Фрейтага, прибывъ въ Грозную, вскорѣ послѣ означеннаго происшествія“.

Б. Колъ.